

ТОВАРНЯК

Напротив дома товарняк остано-
вился. Час стоит, два...
— Дед, он чего сломался?
— Да нет, Фёдор. Стоит на красный.
Линию ремонтируют.
— Дед, а как же машинисты?
— Ждут.
— Без оброта? А если в туалет надо.
Дождь кругой, курток нет.
Внук походил по своим делам. По-
том:
— Дед, давай им чаю отнесем.
— Давай. Сходи к
бабуле, чтобы термос
приготовила.

Бабуля есть бабуля:
куда в дождь, трава в
рост, мокрая. В такую
кручу не влезть. Он-то
ребенок. А ты?

Ребенок сжался, по-
тупился, опустил го-
ловку, усталился в свои
башмачки. Не кланчит,
не уговаривает, молчит.
Поднял глаза: меня ши-
бануло током. Смотрел
он не на меня — смот-
рел куда-то мне во-
внутрь, наверно в мою
душу. Душа не дерну-
лась, не сжалилась, не
задумалась. Душа сказала: пойдём.

Федька с детства, еще с колысоч-
ного, обожал железную дорогу. Ну,
естественно, поезда, которые по ней
ходили. Конечно, он не один такой. И
сейчас другие дети с другими мама-
ми выбирают места поближе, чтобы
было повидней и послышней, а глав-
ное — радостней.

Наши взрослые нашего садового
товарищества, особенно те, которым
участки достались ближе к ж/д, у них
были свои мотивы. Наш дом был на
горке, напротив еще более высокой,
чем мы, железнодорожной насыпи.
Серьезной растительности меж нами
не было. Все как на ладони. Федьке
тогда было что-то посередь двух-трех
лет. Федун заглядывался на них. Что-
то там себе думал. Я ему помогал
как мог: это товарные, а это пасса-
жирские, названия разных вагонов,
чем они отличаются по назначению и
прочее. Благодаря этому, очень рано
научился арифметическому счету до
шестидесяти, по количеству вагонов в
товарняке. Дальше учить не хотел, по-
тому как с большим количеством попа-
даться редко.

Но из всего, что было в железной
дороге, он больше всего любил «тар-
занку». Кто такой Тарзан, думаю, все
знают. А почему оно прилипло к ма-
ленькому упрощенному рабочему
четыреугольному поездочку где-то с
сороковых-пятидесятых годов, на-
верно, никто не знает. Я, по крайней
мере, уж точно. «Тарзанка» мимо нас
проходила в правую сторону четыре
раза в сутки. Точно помню: в девять
двадцать три утром, в три двадцать
двём, в девять тридцать шесть вече-
ром.

Каким путем чувствовал Федюха
приближение этой самой «тарзанки»,
мы понять не могли. Но тютелка в
тютелку, бросив всё, он оказывался
на своем наблюдательном пункте. Вы-
бранном им самим же. И в одной и той
же стойке.

Ребенок есть ребенок. К порядку
нужно приучать с детства. Должен
быть и соответствующий объем вос-
питания. Куда тут денешься: мама
тоже есть мама. В девять ноль-ноль,
после всего, что должно было быть
перед этим, включая спокху, кро-
вать. В то время он достаточно про-
сто переносил послушание. Но девять
ноль-ноль! Все мы, включая и главную
воспитательницу, не могли понять, в
чем дело. Оказалось: 936-ая послед-
няя электричка. Может он или она, но
должны были сказать друг другу спо-
койной ночи.

Нет! И всё.
— Ну, ребенок же! И что эти полча-
са? Да на даче.

Мы эту проблему с Федькой решили
сами.
— В 9.00 ты, Федя, в кроватке, на-
крываешься одеялом. Говоришь маме
спокойной ночи, закрываешь глазки.
Мама целует, гасит свет, выходит из
комнаты, закрывает дверь. Всё. Ты
тихонечко себе ждешь, когда заслы-
шишь свою электричку. Также тихонеч-
ко вылезашь из кроватки, подходишь
к окошку под занавеску, залезаешь на
стул (я его туда уже поставил). И... об-
ратно также тихонечко. Чтобы было
удобней вылезать из кровати. Я из неё
одну планку вынул.

— Дед, не надо — я через верх буду.
— Федь, ты же понимаешь — никому.
— Ну, дед.

Бабуля, в конце концов, в придачу к
термосу подала нам пакет: там бутер-
броды и пирожки. Внук был одет-обут,
как положено по мокрой погоде.

Проплезли под сеткой-рабицей. Вот
она и насыпь железнодорожная. Одно
дело на неё смотреть, а другое — воз-
братся. Не преувеличивая, крутизна
градусов шестьдесят, высота — метров
пятьдесят. Но это ладно. Вся она в мо-
кроем после дождя иван-чае. Том
самом: красно-розово-фиолетового
цвета — глаз не оторвать. Патриарх
всех лекарственных и медоносных
трав. Людское и пчелиное благолепие.

Я впереди, старансье посылнее
притапливал эту замечательную
траву. Чтобы внучонку было легче идти
по моим следам. Молчит, не жалуется,
посапывает, ему-то всего пять. Что он
себе думает.

— Федь, пойдём наискосок — полече
будет.

Наконец влезли. Нам направо,
вдоль состава, вагонов двадцать.

— Дед, давай побыстрей, а то вдруг
он тронется.

Иди стало веселей, приятней, ин-
тересней так близко от настоящего жи-
вого товарного состава, с огромными
блескучими колесами. Вкусно пахнет
шпалами, промасленно-законченными
буксами, мазутом от цистерн.

— Как этот вагон, Федюнъ, называ-
ется?
— Рефрижератор.
— А что в нем возят?
— Мясо. Он как холодильник.
— А этот?

Внук прибодрился, игра во взаим-
ную экзаменацию ему понравилась.
— Дед, смотри, машинист из кабинки
спускается.

И правда видать ему стало инте-
ресно, что за чудачки.

Внуку, на всякий случай напоминаю,
как надо здороваться: громко, глядя в
лицо — ты желаешь здоровья.

— Знаю, дед.
— Подошли.
— Здравствуйте!
Машинист оказался
молодым. Помощник,
наверно.
— Здорово, коль не
шутишь? Далеко путь
держите?
— А мы к вам.

Валерий
ПЕТУШКОВ

В окошке появился машинист, со-
всем постарше. Главный значит. При-
строился поудобней.

Помощник снова, по всему видно,
веселый парень:

— Подвезти что ль куда надо?
— Нет. Мы вам чаю принесли.

Такого оборота от мальчика железно-
дорожный состав не ожидал. Молодой
вытарщил глаза. Верхний кашлянул,
ситуация его заинтересовала.

Я не вмешиваюсь. Передал Фёдору
сумку с термосом.

— А тут бутерброды и пирожки.
Свои, бабушка сегодня утром напекла,
еще теплые.

Помашиниста такого оборота
не ожидал. Захотел как-то сосстри-
ть. Верхнекомандующий опередил его:

— Бери, бери. Подкрепиться нам не
помешает. Наш провинант кончился.
Спроси лучше, как мальчонка зовут.

— Фёдор, — громко, отчетливо и с
достоинством ответил мой внук. Мо-
лодец. Чувствует самостоятельность,
обходится без меня.

— И откуда ж вы будете? — старший
явно нащупывал нить, как активизиро-
вать разговор с юным собеседником.
Время есть, самое малое, еще полча-
са. Чувствовалось, по его добродушию
и улыбочности, что он более чем опы-
тен в общении с таким контингентом
как Федька. Можь у самого внуки есть.

У сторон появился взаимный интерес,
разговор принял обстоятельный харак-
тер. Фёдора влекла железнодорожная
тематика. Больше материально-техниче-
ская, но и вожделенская тоже. Машинист,
тоже по возрасту видно — дед уже, от раз-
говора получал нескрываемо еще боль-
шее удовольствие. Вот как надо разсти-
ть, учить и воспитывать деток. А мы...

Машинист по железнодорожному
крепко пожал моему герою руку:

— Расти мужиком.
Спустившись почти самостоятель-
но на землю, «мужик» наравне протя-
нул руку Младшему.

Да. Машинисты — особый люд. То,
что надо.

До свидания.

Минули пару вагонов. Федька обер-
нулся, остановился. Нам вслед смот-
рели оба. Ласковенько, неспеша по-
махивали нам. Желая всего доброго.
Еще раз до свидания.

Чувствовалось, что Федруху это
растрогало — ему же предназнача-
лось. Мне тоже было приятно.

Дошли до своей тропы. Совсем
другое дело. Во-первых, вниз, да по
протопанной, подсохнутой, и еще при
солнышке.

Оп-па: два свистка! Это нам, каждо-
му по свистку.

Состав дернулся, сразу всем сво-
им длиннющим туловищем. Звонкий

лязг волной прокатился от начала до
конца.

Не отрываясь, замерев, наблю-
даем за хвостом поезда. Где-то за
переездом он скрылся за поворо-
том, оставив нас с тоскливенькой пе-
чальностью. Ни один вид транспорта
не притягивает так, как уходящий в
предпочное время поезд, его послед-
ний вагон с тускнеющими красными
фонарями. Видать, это от природы.

Как собаки безотрывно смотрят на
догорающий костер, так и мы, люди,
на огни.
Федька впереди. Я за ним, с тер-
мосом, не хватало, чтобы он его еще
разбил.

Вернулись к бабушке.
— Бабуль, машинисты тебе переда-
ли большое спасибо.
Бабушка была счастлива.

— Федь, а ты Расскажи, как в каблине-
те машинистов побывал.
— А чего там. Одни кнопки да экран-
чики разные. Шкафчики и дверцы.
Туалет как в пассажирском вагоне.
Совсем не паровоз... И машинисты
какие-то другие.

Я вспомнил свое военно-после-
военное детство. Жили в деревне,
через которую проходила железно-
дорожная линия Тула-Козельск. Эта
линия разрезала деревню пополам.
Наш дом был железнодорожный и
самый ближним к ней. Ну метров
пятнадцать. Среди нас пацанов это
предметом высочайшей гордости и
даже превосходства над другими
было. Денно и ношно по ней туда-сю-
да ходили составы. Естественно, во-
инские. Во главе состава паровоз, он
тащил за собой весь состав. А глав-

туйка

Его все наши не только обожали, но
и любили. И было за что!

Во-первых, для большинства из нас
он был просто необходим своей по-
лезностью. Как говорят «ежику ясно»,
что начинающий шестисоточный дач-
ник, да еще и москвич, — дите малое,
если не хуже. Что, где, как, когда, по-
чем и... — одни проблемы. Александр
Федорович, с учетом того времени (на
стыке восьмидесятых-девяностых) —
палочка-выручалочка. Расскажет, по-
кажет, посоветует (это так, а это — ни в
коем случае), поможет и, в конце кон-
цов, сделает за тебя.

И, во-вторых, что главнее первого,
все это происходило как-то совсем
легко и просто, при хорошем настрое,
доброй открытости и остроумной иро-
ничности над сложившейся пробле-
мой. За оказанную услугу от «клиен-
та» он категорически никогда ниче-
го

не брал. Даже если «Александр Федо-
рович, ну хоть понемножку», «не-не, я
на службе, как-нибудь потом».

Да, он просто помог человеку. И
он, А.Ф. Адамчук, лично, получил удо-
вольствие, что его работой «заказчик»
остался искренне удовлетворенным.

Но была в Ксан Федорыче еще одна
достопримечательность. Он знал как
свои пять пальцев прилегающий лес.

По сравнению с нами он тут был
старожилом. В пятидесятые их сюда
привезли с Украины, чи с Белоруссии,
как специалистов на строительство
железной дороги. Вот этой самой, что
проходит рядом с нашим товарище-
ством, — кольцевой.

Дали же двух линий кусок земли,
жилье. Здесь они и осели. За это вре-
мя он, кажись, на всех железнодорож-
ных работах перебивал, включая и
машиниста.

Нас, тех, кто по грибной части хоть в
какой-то мере просекал, эта его эруди-
рованность безусловно интересовала.
Иди или не иди? Куда? а куда не
надо? — это к нему.

Сам он заядлым грибником не был.
Но первые грибы должны были быть
только его. Лишнего никогда не брал,
а только столько, чтобы в доме «було»
чем закусить.

Дорога в лес проходила мимо его
дома. Обязательно направит куда
надо. На обратном пути: как успехи?
зачерпнет свеженькой колодезной во-
дицы. Особых пригласит зайти. Такой
привилегией пользовались немногие.
Но был один, что не имел права пройт-
и мимо, не доложившись.

Докладывалось все по форме, в со-
ответствии с уставом, со дна корзинки
из-под грибочков, если они оказались,

сти начнет. И любил он это дело. «За-
чем?» — «Кому-нибудь пригодится». С
удовольствием любопытным показы-
вал, как это делается. Обучал и меня.
Главное, как он говорил, подготовить
прутья, только ивовые. Знал, когда и
где те, которые нужно снимать. Потом
замочить, потом... А плести, это что
семечки лгузгать.

Раз захожу, он очередную заканчи-
вает.

— Василич, вот специально для тебя
приготовил.

Я начал неуютно скромничать:

— Да у меня, ты же знаешь, свой, бе-
лорусский, специально грибной есть.
Кошель называется. Тетка Маня подари-
ла, когда я у неё последний раз был.

— На память, Василич.

Память осталась. А Александр Фе-
доровича нет: под Новый год, на авто-
бусной остановке, на скамеечке, — раз-
рыв сердца. Мы втроем, Женя, Олег
Прудников, да я, регулярно по весне,
чаще на Первое мая, ходим на его мо-

лежу поперек ручья, нижняя часть по
пояс целиком в воде, верхняя на бе-
режку притаилась. Лежу, не дергаюсь.
Слушаю себя. Кольнуло — и прилич-
но — в боку. Шов? Этого еще не хва-
тало. Заснул руку под ремень: сухо.
Боль оказалась в левом боку, а не в
правом, где шов. Ну тогда ничего,
ушиб, пройдет. С помощью лопатки
выпрямился, потом благодаря ей под-
нялся в настоящую гору. Начало леса.
Можно приступать к реализации цели
операции.

И что мы имеем? А вот то, что хо-
тим, нету. И лес свой, хожёный-пере-
хоженный. Кругом одни ели. А деток
нет. Ростом по колено, стройненьких
и пушистеньких. Настрой стал как-то
тускнеть. В боку вдруг колышет, и эти
джинсы — мокрые, грязные, холодные
и тяжёлые. Остаток стал переходить в
усталость и более того в раздражение
всем и особенно собой.

Что-то мое мероприятие не полу-
чается. Присел, спиной привалился к

замшелому корневичу старой березы.
Полечало. Ну и что, Василич, будем
делать? Да и то правда, чего пошадей-
то гнать? До осени еще много време-
ни. Всё устанкнётся, глядишь, и Федь-
ка еще приедет. Вот тогда и...

Но вместе с тем тут что-то не так: не
могло оно все само собой вдруг сты-
коваться. Без бесовщины или какой-
то там другой нечистой силы здесь не
обошлось.

Во, слышь, как гудит там наверху...
Лес есть лес: лесий, конечно. Но
лесий, насколько я знаю, мужик и
грозный и незлобивый: он хозяин
леса, заботится о нем, бережет его,
если надо, припужнет ого-го как. Служ-
ба у него такая.

Но я-то — совсем другое дело. Я ж
его малютку не для разжожки печки
потащу. Посажу, обиход по высшему
разряду обеспечу. Ты ж меня еще бла-
годарить будешь.

Не, Валера, тут все проще. У каж-
дого человека есть свой ангел-хран-
итель. Твой-то тебя и оберегает. Воро-
тись, чтобы завтра тебя с собаками не
искали.

Так то оно так. Но здесь без Самого
не обошлось. Проверяет он меня.

Подымайся! Хватит тут дурака ва-
лять на пустом месте, теень на плетень
наводить. Жизнь прекрасна и удивле-
нительна! Вон там, в прогалочке, они
тебя и дожидаются. Поднялся, посмо-
трел на небо, взбодрился, довольный
собой и... тут они пошли. Как опята, то
их нет да нет — вдруг, миллиён. И каж-
дая из них в глазенки мне заглядыва-
ет: а посмотри, какая я красивая.

На душе потеплело. С какой же
начинать? «Бочок-бочок, Валера!».
Приспособился. «Вот Федюх, твои
полсотни».

До дома добрался очень даже
хорошо. При таком-то настроении.
Прикинул, где сажать: вдоль забора,
параллельно железной дороге, с вну-
тренней стороны, напротив каждого
стояка, ровненько через два метра.
Завтра все и сделаю. Погодка как раз
для таких посадок. Сегодня отдыхаю,
заслужил.

Пару часов воспроизводил свой за-
служенный отдых. А на улице — благо-
дать: на небе ни одной тучки, голубое-
голубое, солнышко теплое-теплое,
шорты да футболка. Время — четырех
нет. Пойду, хоть десяток ямок выко-
паю, чтоб назавтра меньше было. По-
шел, копнул — хорошо идут. Бок и ло-
пата в паре, приспособленные друг к
друге.

Вернулся, а чего на завтра откла-
дывать — делов-то.

Заканчиваю. Около остановились
трое: мама и двое деток, мальчик с де-
вочкой лет трех-пяти.

«Вот посмотрите, как дяденька
елочки сажает, да как много».

Детки, видно, послушные, но
впрямь с искреннейшим любопыт-
ством подошли ко мне. Деду тоже ока-
залось приятно. Завязался разговор:
с соседнего товарищества; регулярно
гуляют через нашу территорию; де-
вочка Лизонька, мальчик Вовочка; там
внизу под железной дорогой, сегодня,
попались нам две маленькие сосенки
(вон в коляске лежат), совочком вы-
копали, посадим на своем участке.
Мамочка, хоть и молодая, оказалась
общительной и говорила не только
для меня, но больше для своих милых
деток. Они совсем не торопились. «А
знаете что, — это уже я, — там в конце
две ямки. И давайте в те две ямки все
вместе посадим ваши сосеночки. А на
свой участок вы завтра других накопа-
ете. И когда будете гулять, мимо нико-
гда не пройдете. И с годиками будете
расти вместе — они и вы, примеряться,
кто быстрее».

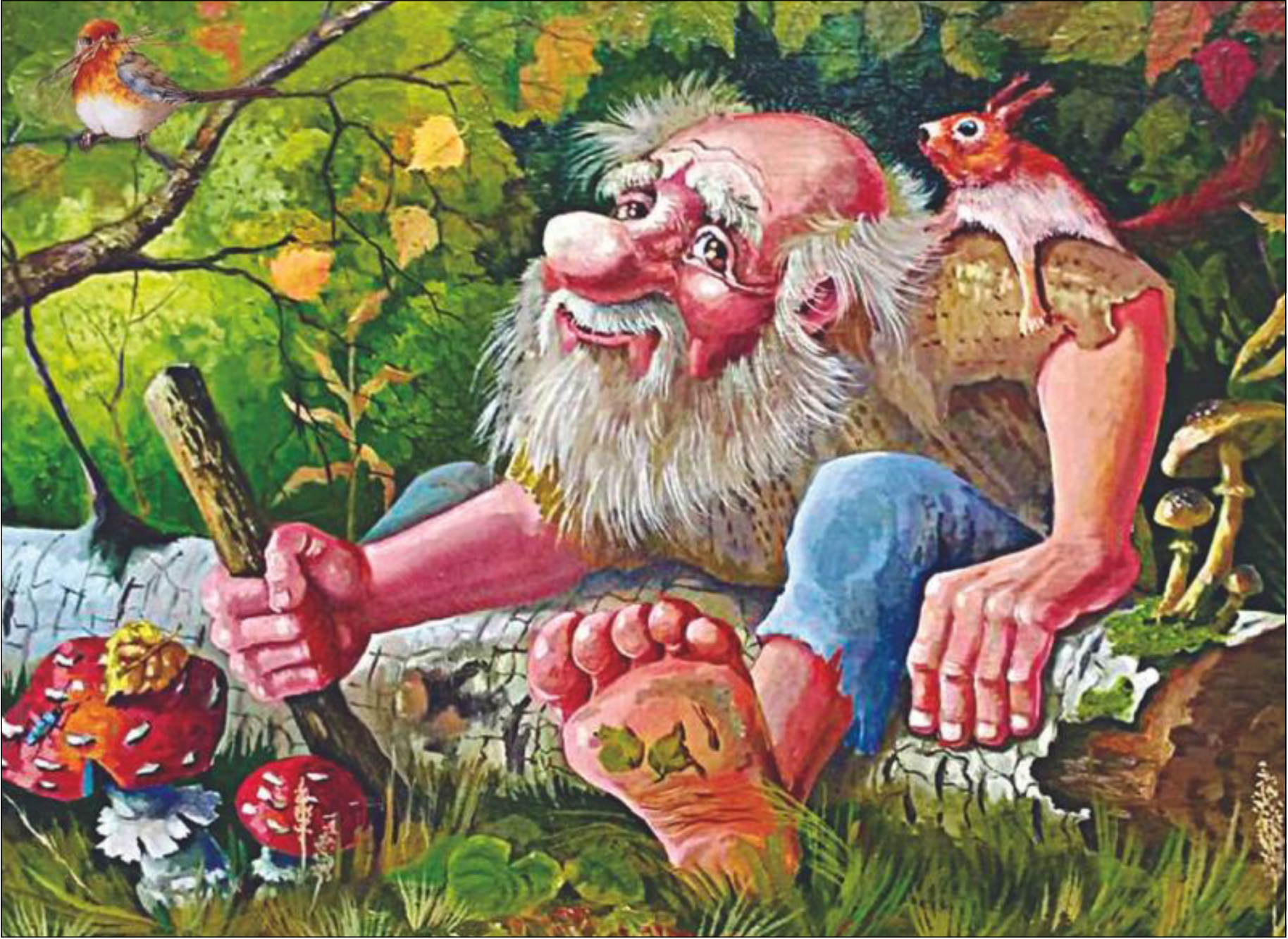
Идея дедушки всем понравилась.
Посмотрели бы вы на эти четыре руч-
ки, эти глазки, открытые ротки, шепе-
лявенькое лепетание. Мама любовалась
со стороны.

Левый бок не проходил. Советчики
убедили, что нужен травмпункт. По-
ехал в Москву. Дежурный травмато-
лог, постарше меня: «Ну что, старик?»
— «Да вот...». Пошулал: «Ребро сло-
мал» — такой-то номер.

Выписал бумажку: «Иди на рентген.
Кабинет такой-то». Вернулся. «Нет.
Трещина». Прописал какие-то пилю-
ли: не бегай, резко не нагибайся, в
левой руке ничего не носить, не... не...
через месяц-полтора все срастется».

Срослось.

Растут, растут елочки и те две со-
сенки (кстати, они растут в два раза
быстрее). Тут под Новый год сказа-
ли, что в Подмосковье ели растут лет
сто — сто десять. Нас к тому времени
уже не будет. И, поди, вспомнят они
себе, «виткелия» они звались. Вспом-
нят Александра Федоровича с туйкой,
Женьку с Федькой, Лизоньку с Вовоч-
кой. Да и того доброго Лешего...

— Спрашиваешь, где водительская
кабина лучше, у нас или в метро? За-
лезай, покажу. Всё покажу. Когда такой
случай представится.

Федька отлынулся на меня. Зароб-
ел, можно или нет, а вдруг поезд трон-
нется.

Я кивнул. Когда-то и мне хотелось
побывать на паровозе, ну хоть одним
глазком посмотреть. Не получилось ни
тогда, ни за всю жизнь.

Молодой машинист, службу знает,
еще разок, потщательнее, протер по-
ручни:

— Так, так, не спеши... А теперь вот
сюда.

Почетного гостя Старший встречал
наверху собственноручно.

Экскурсия продолжалась, как в му-
зее, неторопливо, но и недолго. Перед
спуском Федор, наверняка, чтобы я ус-
лышал, как положено сказал:

— Огромное вам спасибо, дядя
Леша!

ным на паровозе — машинист. Такая
техничко-человеческая иерархия мне
запомнилась на всю жизнь. Детская
любопытность, наблюдательность

и впечатлительность, при практи-
ческом отсутствии других средств
информации, оказывается давала
детворе определенное развитие —
по-нынешнему, техническое, военно-
оперативное, политическое и так да-
лее. Смышленная тогда ребятня была.

И восторженно-чувствительная. Сам
паровоз и его главные составляю-
щие элементы — паровозная труба с
черным дымоом, белый шипящий пар
под колесами, паровозный гудок. В
темное время затухающие красные
огоньки уходящего поезда. Сказоч-
ность и завороженность.

У нынешних поездов этого нет. Бре-
кеты на колесах, аляповато разукра-
шенные снаружи и ползегантнее вну-
три. Железная дорога без паровоза,
что?.. Да уж...

Рассказы